

В 1864 году в Томске в возрасте восьмидесяти лет умер старец Фёдор Кузьмич — ссыльный бродяга, уроженец Пермской губернии.

Очевидцы вспоминали, что при этапировании в Томскую губернию ссыльный Фёдор Кузьмич Кузьмин был единственным, кого не заковали в кандалы.

Местом его пребывания была определена деревня Зерцалы (ныне это Ачинский район Красноярского края), но поселился он при Краснореченском винокуренном заводе. Жил в маленьком домике, специально для него построенном местными казаками.

Ввиду того, что старец был весьма преклонного возраста, к физическим работам его не привлекали, и жил он уединённо, как отшельник.

А поскольку в передвижениях он не был ограничен, то начал Фёдор Кузьмич странствовать по близлежащим населённым пунктам, пытаясь заработать себе на пропитание.

Ходил по деревням, учил детей грамоте, помогал жителям советами, заботился о больных и слабых. В общем, вёл жизнь праведника и наставника, причём денег ни с кого не брал, довольствуясь только тем, что сами люди давали. Этим и жил.

Но как-то приехавший из Петербурга казак Березин вдруг признал в Фёдоре Кузьмиче покойного императора Александра Первого. Которого, по его утверждениям, живя в Санкт-Петербурге, он много раз видел и ошибиться никак не мог.

Эта весть моментально облетела всю округу. Люди стали более внимательно приглядываться к странному старцу. Нашлись и другие очевидцы, которые тоже подтверждали сходство «отшельника» с покойным императором Александром Павловичем.

Недовольный таким вниманием к своей персоне, Фёдор Кузьмич удалился в деревню Зерцалы и поселился там в семье самого бедного крестьянина, где и прожил следующие десять лет.

Но уже в 1849 году он вновь переезжает в село Краснореченское. Там его, по словам очевидцев, иногда навещает иркутский епископ Афанасий, с которым Фёдор Кузьмич по долгу ведёт беседы, преимущественно на французском языке.

Согласитесь, не каждого посещают такие высокопоставленные особы, тем более в ссылке. Да и довольно странно видеть ссыльного бродягу, свободно разговаривающего на французском языке.

Наносит визиты старцу и архиепископ Томский Парфений, а в 1850 году келью старца почему-то посетил граф Лев Николаевич Толстой и очень долго беседовал с ним.

Известно также, что Кузьмин вёл очень активную переписку с Санкт-Петербургом. Невозможно поверить, что у находящегося в ссылке бродяги, коим он официально числился, не перлюстрировали корреспонденцию, тем более адресованную столь важным особам: великому князю, графу Льву Толстому, другим влиятельным вельможам и, наконец, самому императору российскому. Что-что, а сыскное управление в России всегда работало очень оперативно и качественно.

Разумеется, таинственный ссыльный бродяга благородного вида и со знанием нескольких иностранных языков не мог не вызвать интереса и у местного сибирского чиновничества, а уж они-то и портреты императоров видели, да и в столице бывали.

Говорят, что от вопросов и просьб приоткрыть завесу тайны Фёдор Кузьмич уклонялся и вежливо, но категорично отвечал, что сделать этого не может, поскольку нарушит слово, данное им Богу.

Даже на смертном одре он не стал исповедоваться, чтобы не нарушить клятву.

Ну ладно на смертном одре — дело, как говорится, сугубо личное, но чтобы таким вот макаром уклоняться от ответов в полиции, представить трудно, если конечно, не допустить, что столичное начальство запретило им это делать.

Уже после Октябрьской революции, в 1921 году, специальная комиссия, состоящая из медиков и историков, на основании постановления исполкома Петросовета вскрыла усыпальницу Александра Первого в Петропавловском соборе. Гробница императора была пуста.

Могилу старца Фёдора Кузьмича тоже найти не удалось. По преданию, он был захоронен на территории Алексеевского монастыря в Томске. На его могиле была надпись: «Здесь погребено тело великого благословенного старца Фёдора Кузьмича, скончавшегося 20 января 1864 года». Позже на его могиле была построена часовня, которая в период революции и

Гражданской войны была разрушена, могила затоптана, а место захоронения забыто. Образ Фёдора Кузьмича был причислен к лику святых как праведник Фёдор Томский.

К сожалению, вопрос установления личности Фёдора Кузьмича до сих пор не решён окончательно. Ну а версий, что император, бросив трон, ушёл «в народ», множество. Одна из них — это замаливание греха отцеубийства.

Молва о Фёдоре Кузьмиче была настолько популярна на Руси, что по инициативе великого князя Николая Михайловича была сделана экспертиза почерка Александра Первого и почерка старца Фёдора Кузьмича. Якобы несколько опытных графологов с мировыми именами, проведя сравнительную экспертизу, пришли к выводу, что писали два разных человека.

Это заключение великий князь почему-то выслал для ознакомления графу Льву Николаевичу Толстому, как бы говоря этим: мол, вот видите, не он это, успокойтесь.

Но, я думаю, графа это заключение не удовлетворило, он ответил очень уклончиво: «Пускай исторически доказана невозможность соединения личности Александра и Кузьмича, легенда остаётся во всей своей красе и истинности. Я начал было писать на эту тему, но едва ли не только кончу, но едва ли удосужусь продолжать... А очень жалею. Прелестный образ».

Я уверен, что великий князь, отсылая заключение Толстому, просто дал ему понять, что не его это дело и не стоит раздувать и посвящать в него ещё более широкий круг людей, так как знал авторитет и популярность великого писателя.

Да оно и понятно, империи это просто было невыгодно и стыдно. А ведь Толстой-то до этого экспертного «заключения» уже побывал в Томской губернии и лично виделся с Фёдором Кузьмичом. И хоть Лев Николаевич родился спустя три года после смерти Александра Первого, но по портретам-то он должен бы помнить и определить — царь это или нет.

До сих пор вопрос, являются ли Фёдор Кузьмич и Александр Первый одним и тем же лицом, остаётся неразгаданной тайной. Есть много точек зрения на эту загадку и сейчас. Как вы понимаете, всех устроило бы всего лишь одно заключение: да или нет.

Например, директор Государственного архива РФ, доктор исторических наук, профессор Мироненко Сергей Владимирович считает, что Александр Первый умер в Таганроге

19 ноября 1825 года, а всё остальное — это вымысел, красивая легенда и ничего более.

Графолог Лариса Дрыгваль, в свою очередь, уверена, что проведённая почерковедческая экспертиза рукописей как одного объекта, так и другого показывает схожесть. Причём весьма высокую идентичность по очень многим психологическим особенностям.

А вот ещё один тоже очень известный историк, член-корреспондент Российской академии наук Сахаров Андрей Николаевич, вообще на сто процентов уверен, что Фёдор Кузьмич и император Александр Первый — это одно и то же лицо.

Точно так же и японские графологи, которые провели компьютерную обработку предоставленных им образцов почерка, пришли к выводу, что предоставленные для экспертизы тексты писал один и тот же человек.

Сахаров приводит ещё несколько косвенных доводов, так или иначе указывающих на необычность и таинственность не только смерти императора Александра Павловича, но и его похорон.

За неделю до своей смерти, находясь в Таганроге, император получил донесение от унтер-офицера Ивана Васильевича Шервуда, в котором говорилось, что в России готовится государственный переворот, целью которого является свержение и физическое устранение всей императорской семьи и установление в государстве республиканского правления.

После этого донесения император якобы побеседовал со своей супругой Елизаветой Алексеевной. Причём проходила эта беседа тайно несколько часов кряду, вызывая недоумение у приближённых. О чём могли говорить супруги, мы можем только догадываться.

Например, император мог уговаривать свою жену в том, что ему нужно исчезнуть, «умереть» и что только таким образом удастся сохранить не только трон и династию, но и жизнь всей семьи. И возможно, что он всё-таки её в этом убедил. Они, вероятно, обсудили детали, ведь правдоподобность такого не только политического, но и физического «трюка» должна быть не только убедительной и очевидной, но и трагически-помпезной. А для этого надо иметь помощников и единомышленников, причём из самого ближайшего окружения.

В первую очередь это, естественно, должны быть врачи, личные лекари императора. Акт о смерти, столь важный и необходимый документ, был подписан врачами Яковом Васильевичем

Виллие и Кондратием Карловичем Штофрегенем. Ими же подписан и протокол вскрытия тела усопшего императора.

По мнению профессора Андрея Сахарова, с большой вероятностью к этому делу, кроме императрицы, причастны были также и генерал-адъютант Пётр Михайлович Волконский, и, естественно, вышеперечисленные медики, а также личный врач императрицы Елизаветы Алексеевны, доктор Дмитрий Клементьевич Тарасов, и ещё несколько приближённых людей. В любом случае это был узкий круг очень преданных императору лиц, что и позволило осуществить задуманный им план с блестящим результатом.

Правда, как пишет Андрей Сахаров, не обошлось и без шероховатостей, всё-таки они не были профессиональными мошенниками и аферистами. Например, императрица не пришла не только на панихиду, она не явилась даже на похороны. Допустим, этот казус можно было как-то объяснить состоянием здоровья Елизаветы Алексеевны. Но как объяснить отсутствие преданнейшего императору его личного друга, генерал-адъютанта Петра Волконского?

И вообще, по какой-то никому не известной причине гроб с телом усопшего императора для всеобщего обозрения не открыли,

Фёдор Кузьмич и Александр Первый

и похороны проходили ночью. Гроб был открыт только один раз, специально для царской семьи, и человек, лежащий в нём, по словам очевидцев, был совершенно не похож на императора.

К тому же совершенно излишен был вскрик матери императора Марии Фёдоровны: «Да, это он! Это мой сын», — как будто кто-то мог сомневаться, что в гробу лежит император Александр. Таким образом, этот вопль мог означать только одно: матушка императора была посвящена в эту тайну.

Согласно версии Андрея Сахарова, в тот день, когда император Александр Павлович якобы скончался, его на зафрахтованной шхуне переправили в Крым, а оттуда в Палестину, где он прожил несколько лет инкогнито. Впоследствии очень вероятно, что он долгое время находился в Киево-Печерской лавре и всё это время имел переписку с двором, так что и его брат, император Николай Первый, тоже был в курсе этого дела.

Тогда становится понятным, почему так называемому Фёдору Кузьмичу удавалось без всяких осложнений проживать под надзором полиции и оставаться при этом как бы в привилегированном положении: совершать свободные передвижения, заниматься просветительской деятельностью, посещать храмы и монастыри, вести переписку с высокопоставленными особами в Петербурге, будучи уверенным, что его корреспонденция не будет перлюстрирована, а точно дойдёт до адресата в оригинальном состоянии.

Таким образом, Фёдор Кузьмич, официально ссыльный поселенец, одновременно находился под неусыпным оком государства не как преступник, а как секретный субъект этого государства, находившийся под контролем и опекой спецслужб. И только таким образом можно было оправдать это внимание, оказываемое Фёдору Кузьмичу со стороны чиновников и священников всех мастей и рангов.

Об авторе:

Владимир Дмитриевич ОКОРОКОВ — автор семи книг в электронном и бумажном вариантах. Член Русского географического общества. Печатается на сайтах «Проза.ру», «Яндекс.Дзен».